Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

Четыре позорных пятна на памяти человека, достойного уважения потомства за свою пламенную любовь к наукам и покровительство изящным художествам! Франциск Медичи имел бы полное право на прозвище Великого, если бы вместо политической сферы посвятил себя исключительно ученой или артистической деятельности.

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3

Кондратий Петрович Биркин
Франциск Медичи, великий герцог тосканский

Антонио Сергуиди. – Бьянка Капелло. – Пьетро Бонавентури. – Витторио Капелло (1564–1587)

Четыре позорных пятна на памяти человека, достойного уважения потомства за свою пламенную любовь к наукам и покровительство изящным художествам! Франциск Медичи имел бы полное право на прозвище Великого, если бы вместо политической сферы посвятил себя исключительно ученой или артистической деятельности.

Отец его, герцог тосканский Козьма I, утомленный делами правления, в 1564 году передал власть свою ему, Франциску, возлагая на способности последнего самые блестящие надежды. От природы умный, но не лишенный и порочных наклонностей, Франциск, воспитанный матерью – гордой и суеверной испанкой, с малых лет усвоил все ее недостатки. Недоверчивый, подозрительный, скрытный, Франциск Медичи мог назваться миниатюрной копией Филиппа II Испанского. Весь род человеческий он делил на два разряда, питая к одному ненависть, к другому презрение. Аристократия, по мнению Франциска, была опаснейшей и вредной кастой, а простой народ – глупым стадом, которое следует стричь догола и доить до крови. С подобными воззрениями, само собою, герцог с первых же дней своего воцарения навлек на себя всеобщее неудовольствие. С утра и до глубокой ночи проводя время в своем учебном кабинете или в алхимической лаборатории, Франциск уделял час-другой государственным делам, решая их вкривь и вкось, лишь бы только спустить их с плеч долой. Благо подданных, смягчение участи простого народа, искоренение злоупотреблений – над всеми этими вопросами Франциск никогда не задумывался; важнее всего герцога занимало разрешение задач алхимических, обретение философского камня, эликсира бессмертия и живой воды, способной возвращать жизнь усопшим. В дымной, загроможденной разными снарядами лаборатории Франциск неутомимо плавил металлы, вываривал эссенции, составлял тинктуры и даже пережигал в золу целые человеческие остовы. Эти занятия, сумасбродные в наше время, в тот век привлекали к себе внимание ученейших и умнейших людей. Независимо от алхимии, своей любимой науки, Франциск вообще страстно

любил естествознание: вел переписку с Петром Маттиоли, знаменитым переводчиком Диоскорида, и Улиссом Альдровандусом – итальянским Плинием… Альдо Мануччи, внук и наследник славного типографа, был также постоянным корреспондентом герцога Франциска Медичи. Скупой до скаредности, последний не жалел расходов каждый раз, когда дело шло о приобретении дорогого издания, ученого манускрипта, редкости естественной или художественного произведения. Оставляя без внимания просьбы своих подданных об оказании им милости или правосудия, герцог осыпал своими щедротами только ученых и художников; только для них и были постоянно открыты двери его приемной. Злые языки, намекая на коллекции естественной истории, собираемые герцогом, говорили:

– Государь наш поступает по словам Писания: мы просим у него хлеба, он дает камни; вместо рыбы подает нам змею!

Но вместе с камнями своего минералогического кабинета Франциск Медичи заботился о сооружении во Флоренции каменных зданий, доныне признаваемых чудесами тосканской архитектуры. Кроме многих дворцов, в столице построенных, он реставрировал падающую башню и крестильницу (baptisteria) в Пизе, украсил этот город новым мраморным собором и начертал новый план гавани в Ливорно… Все это было бы прекрасно, если бы в то же время народ не стенал от обременительных налогов, земледельцы не жаловались на чрезмерные поземельные подати, а купцы на стеснительные пошлины. Криводушие и взяточничество царили в судах. Завзятый злодей и уличенный преступник, имея более или менее значительное состояние, могли быть твердо уверены в снисходительности судей, принимавших во внимание исключительно карманные, смягчающие вину обстоятельства. При застое торговли, промышленности, при упадке земледелия, наконец, при нищете народной в царствование Франциска Медичи в Тоскане процветали разбои и грабежи. Шайки бандитов наводняли окрестности городов; мошенники чуть ли не среди бела дня грабили на улицах, вламывались в дома. В течение восемнадцати первых месяцев правления Франциска в одной только Флоренции было совершено до ста восьмидесяти шести убийств. При душегубствах простым народом руководила корысть, аристократиею – всего чаще мстительность. Обманутый муж, не удостаивая соперника вызовом на поединок, подкупал его слуг или нанимал убийц, и любовник погибал от яда или издыхал на улице зарезанный либо удавленный. С женою разделывался сам муж и за ее убиение даже не был привлекаем к ответу… Таковы

были нравы и обычаи Тосканы во все время управления ею славными Медичи. Говорят, будто науки и изящные искусства смягчают и облагораживают нравы… Парадокс, опровергаемый многими страницами истории и, между прочими, итальянскими хрониками золотого века Медичи! Общественный разврат и упадок нравственности были даже в какой-то необъяснимой связи с процветанием тогда в Тоскане наук и художеств. Первые последним как будто служили тем же, чем служит смрадное удобрение роскошным и благоухающим цветам.

За девять лет до восшествия своего на герцогский престол Франциск Медичи по желанию отца своего Козьмы I сочетался браком с эрцгерцогинею австрийскою Хуаною. Некрасивая собою, не первой молодости, но умная и превосходно образованная, эрцгерцогиня с первого же дня свадьбы (16 декабря 1565 года) опротивела своему супругу, который предпочитал своей опочивальне и ласкам Хуаны свою алхимическую лабораторию и беседы с учеными и шарлатанами, выдававшими себя за обладателей великого секрета превращения металлов. Хуана могли бы мстить мужу, избрав в среде придворных любовника, но для подобного мщения она была слишком некрасива наружно и слишком чиста нравственно. Единственной отрадою бедной покинутой жены были занятия науками и покровительство ученым. Последние считали за особенное счастие, если герцогиня разрешала им посвящать свои произведения ее высокому имени, и, сказать по правде, ученое сочинение, посвященное царственной особе, прославляет ее во сто крат более, нежели льстивая ода какого-нибудь пиита за деньги или за подарочки, всегда способного переименовать Нерона в Тита, а Мессалину в Семирамиду. Любовь к наукам должна была бы, казалось, сблизить Франциска Медичи с супругою, но даже и в этой сфере они не сходились. В первые годы супружества герцог оправдывал свое равнодушие к жене антипатиею; впоследствии извинял свое охлаждение к ней ее продолжительным бесплодием… Главною же и единственною причиною ненависти герцога к его супруге была его любовница – знаменитая Бьянка Капелло.

Чтобы выставить в нашем биографическом очерке эту личность в ее настоящем свете, мы были принуждены перебрать несколько сочинений старинных и новейших, в которых рассказано о знаменитой Бьянке. Поэты и романтики окаймили эту хорошенькую головку светлой ореолой и превознесли до высоты героини. Писатели менее пристрастные признали Бьянку Капелло за ловкую пройдоху, искательницу приключений, немножко воровку, немножко убийцу – вообще же за очень антипатичную особу. Из этих двух мнений об одном и том же

лице мы именно выбрали последнее как правдивейшее. Если читателю попадет в руки биография Бьянки Капелло, в которой с первых же строк о ней говорится с выгодной стороны, он может не продолжать своего чтения, если только не придерживается пословицы: не любо – не слушай, а лгать не мешай!

Бьянка родилась в Венеции в 1545 году. Отец ее Бартоло-мео Капелло, управляющий коммерческим банком Сальвиати, принадлежал к знатной фамилии, родственной Гримани, патриарху Аквилеи, доводившемуся Бьянке родным дядею. Бартоло-мео женился рано и, прожив с женою лет пять, схоронил ее, дав себе слово всю свою жизнь посвятить воспитанию оставшихся после нее сирот, дочери и сына. В массе клятв, чаще других нарушаемых, первое место принадлежит клятве вдовца или вдовы не жениться или не идти замуж. Давая подобное обещание, люди морочат самих себя, действуя под влиянием скорбной минуты без малейшего помысла о будущем. Не прошло и года со дня смерти жены, как Бартоломео Капелло сознался, что он, обрекая себя на пожизненное вдовство, немножко погорячился и что взгляд на жизнь сквозь слезы по умершей жене не всегда бывает верен… К концу года Бартоломео вступил во второй брак с сестрою одного из своих сослуживцев. Вторая жена Ка-пелло, выходя за него, дала ему в свою очередь клятвенное обещание, что падчерице и пасынку своим заменит родную мать, и солгала точно так же, как солгал супруг ее год тому назад. Как бы ни претендовали свекрови, тещи и мачехи на замену невесткам, пасынкам и падчерицам родных матерей, они никогда не могут заменить последних в моральном смысле, точно так же, как и в физическом, одна жизнь и одна мать у человека. Любить детей мужа от другой женщины, любить как своих родных – подобный подвиг вне женской натуры. Мачеха может заботиться о пасынке или о падчерице, может воспитыватать их, образовывать, беречь, ласкать… но любить, любить душевно так, как умеют любить только родные матери, – этого никакая мачеха в мире не может. Избави нас Бог попрекать женщин за это свойство их натуры; напротив! Нам весьма понятны чувства неприязни, всегда отделяющие мачеху от сводных ее детей: последние – живые воспоминания о другой женщине, когда-то любимой мужем; черты их лица напоминают ему эту женщину; любя и лаская их, он как будто ласкает ту женщину; любовь к детям – продолжение его любви к той женщине… Эта любовь – огонь, перенесенный с потухшей светильни на новую. Что нужды, что от усопшей соперницы не осталось, может быть, и костей, когда на земле растут и цветут ее живые отрасли?… И более или менее искусно скрываемая ревность грызет сердце всякой мачехи при взгляде на

детей мужа от первого брака. Это гадкое чувство удесятеряется в мачехе при появлении на свет собственного, родного детища… Все это так обыкновенно, так естественно, до такой степени общее место в семейном быту народов, что и распространяться об этом нечего.

С появлением второй жены в доме Бартоломео Капелло для дочери его Бьянки и сына Витторио наступили черные дни, и над бедными детьми отяготела громовая туча. Ласковая первое время, молодая мачеха мало-помалу прибрала детей к рукам и взяла их, по нашему народному выражению, в ежовые рукавицы. Под предлогом исправления детей от их недостатков мачеха бранила их с утра до вечера; от брани перешла к побоям… Отец при первой своей попытке защитить страдальцев сам едва не подвергся их же участи и оставил их на произвол своей милой супруги… Росли Бьянка и Витторио как отверженцы в отцовском доме, завидуя его слугам. Характеры брата и сестры ожесточились; лукавство, скрытность – пороки, всегда развивающиеся в угнетаемых, – возрастали в сердцах детей с каждым днем. Ненавидя мачеху, они питали к отцу совершенное презрение; многочисленная родня казалась им сонмом мучителей и палачей. Первая ласка детям была оказана чужим семейством Бонавентури, которое, видя их порабощение и пользуясь давностью знакомства с домом Капелло, приблизило к себе его детей, стараясь радушным своим участием вознаградить их за тиранию мачехи. Это обстоятельство озлобило последнюю пуще прежнего, и обхождение ее с детьми дошло, наконец, до безобразия: она начала одевать их в лохмотья и морить голодом; била ежеминутно и без всякой причины. Синьор Бартоломео молчал, будучи сам под башмаком у жены.

Бьянке минуло шестнадцать лет, и, невзирая на каторжный образ жизни, она цвела красотой, и личико ее напоминало красавиц, которых бессмертили на полотне своих картин Тициан и Тинторетто. Новый источник гонений со стороны мачехи!.. Дорого готова была дать эта мегера, чтобы хоть каким-нибудь снадобьем обезобразить падчерицу. За каждый нечаянный взгляд последней на какого-нибудь молодого человека бедная красавица была вознаграждаема пощечинами, ударами плетки и осыпаема ядовитыми упреками весьма цинического свойства… Мачеха без всякого основания ревновала Бьянку к ее родному отцу. Несчастной девушке оставались на выбор две дороги к избавлению от адской ее жизни: бегство из родительского дома или смерть. В раздумье над этим выбором застала Бьянку ее первая любовь, в которой она нашла отраду и спасение.

Пьетро Бонавентури, конторщик банка Сальвиати, вхожий в

дом Капелло и дружески в нем принятый, страстно влюбился в Бьянку, которую знал с детства. Очарованная в свою очередь умом и красотой Пьетро, девушка отвечала ему взаимностью, и молодые люди блаженствовали, проводя очень искусно своих домашних аргусов. С помощью поддельного ключа Пьетро мог в ночную пору приходить к своей возлюбленной и уходить от нее, не замечаемый ни ее отцом, ни мачехой, ни братом Витторио. Но счастливая ночью, Бьянка в течение дня бедствовала по-прежнему, и ласки Пьетро, как ни были пламенны, не вознаграждали ее за те страдания, которые заставляла ее испытывать злодейка мачеха. Пришла пора серьезнее подумать о своем избавлении и изыскать способы к бегству из родительского дома. Пьетро взялся все устроить и, как человек практический, обделать дело как нельзя лучше. При всей своей нежности к Бьянке он очень хорошо понимал, что век аркадских пастушков прошел, что любовью сыт не будешь, и всего прежде позаботился о средствах для жизни в добровольном изгнании; средствами этими были брильянты матери Бьянки, хранившиеся под ключом ее мачехи, и банковая касса, ключ от которой был доверен Пьетро. Бона-вентури уговорил свою возлюбленную решиться похитить свое сокровище и – относительно говоря – поступить по справедливости; сам же он отваживался на воровство, которое, даже по его личному мнению, ни под каким видом не могло быть извинительно. В случае поимки беглецов Бьянка могла быть оправдана, но Пьетро неминуемо ожидала виселица. Подобное разделение труда в опасном предприятии любовников во всяком случае делает честь Бонавентури и служит доказательством его любви к Бьянке.

Покровительствуемая Амуром, она исполнила поручение Пьетро как нельзя удачнее; не оплошал и он, покровительствуемый Меркурием. На другой день кражи, 12 декабря 1563 года, они бежали из Венеции. Трудно описать суматоху, последовавшую в доме Капелло и в банке Сальвиати… Мачеха Бьянки, заметив бегство падчерицы и похищение брильянтов, обрушила свой гнев на голову синьора Бартоломео; синьор Бартоломео, в свою очередь, обеими руками уцепился за старика Бонавентури, дядю беглеца; банк в лице управляющих вопиял о краже и требовал у венецианской синьории немедленного распоряжения о погоне за вором. В погоню за ним послали, но вместе с тем Бартоломео Капелло в видах содействия банку и ради собственного интереса предложил премию в две тысячи червонцев за голову

Пьетро Бонавентури и отправил на его поимку целый отряд наемных убийц, знаменитых брави. Бегство Бьянки с Пьетро

сделалось сказкой всей Венеции, возбуждая крайнее негодование аристократии. По настояниям последней дядя Бонавентури за небывалое содействие беглецам был заточен в пьомбы, в которых года через два скончался. Оба отряда сыщиков и убийц при всем своем усердии и поспешности беглецов не догнали; Пьет-ро и Бьянка благополучно достигли пределов Тосканского герцогства и отсюда, уже не торопясь, держали путь во Флоренцию. Путешествие было непродолжительно, но вместе с бегством характеры любовников значительно изменились к худшему. Бьянка, искренно привязанная к Бонавентури, в бытность свою в родительском доме под игом мачехи, начала по прибытии в Тоскану трактовать любовника с обидным пренебрежением и как будто тяготилась его сопутствием. Так обыкновенно обходятся молодые жены со старыми мужьями, за которых выходят затем только, чтобы из-под крыла отца или матери вырваться на свободу. Со своей стороны Пьетро, нежный и бескорыстный любовник в Венеции, покуда был беден и ничтожен, теперь, чувствуя в своей дорожной сумке сладкое бремя похищенных брильянтов и золота, все свои мысли устремил на то, как бы в Тоскане заняться спекуляциями да денежными оборотами, наживая процент на процент. Край бедный, нищета повсеместная, а когда же и выжимать последние соки из своего ближнего, если не во время его нищеты?

Прибыв во Флоренцию (тогда Козьма I еще правил герцогством), Бонавентури нанял для Бьянки весьма порядочную квартирку в уединенной части города, а сам по целым дням разведывал и наводил справки о возможности сближения своего с герцогским двором. Благодаря взяткам должностным лицам Пьетро разузнал о герцоге все, что ему было нужно, втерся в приязнь к Антонио Сергуиди, единственному из вельмож, любимому Франциском Медичи; наконец, нашел возможность представиться герцогу и его сыну. Козьма I принял беглеца благосклонно и объявил ему, что берет его под свое покровительство и защиту от преследований Венецианской республики. О Бьянке Капелло покуда не было и помину… Угрюмому Франциску Пьетро Бонавентури угодил подарком какого-то редкого манускрипта и рассказами о сокровищах музеев Венеции. Почти не скрывая своего отвращения к Пьетро, сын герцога не мог, однако же, не отдать справедливости его уму и вкрадчивости. Беседуя с Антонио Сергуиди, Пьетро будто неумышленно рассказала ему о своей связи с Бьянкою, превознося ее красоту, ум и приятный, веселый характер. Сергуиди понял с первых же слов, что венецианец не прочь познакомить его с Бьянкою, но, не питая особенной склонности к

прекрасному полу, не выразил желания сближаться с беглянкою. Он попросил Пьетро только показать ему свое сокровище и, увидев Бьянку, тотчас же решился сделать красавицу орудием своих сокровеннейших замыслов. Сергуиди – алчный взяточник, грабитель народа, но любимец Франциска – знал, что с его восшествием на престол займет первейшую должность в герцогстве, которая даст ему право грабить народ вдесятеро против прежнего. Но брать взятки и под личиною власти грабить надобно умеючи; для за-страхования себя от гнева государя необходимо было заручаться покровительством какого-нибудь лица, имеющего на герцога влияние… Подобными покровительницами временщиков могут быть жены или фаворитки; у Франциска тогда еще не было ни той, ни другой. Сергуиди, обдумав дело со всех сторон, решил, что в Бьянке Капелло он мог бы именно приобрести такую покровительницу, если бы только помог ей попасть в фаворитки к Франциску. До времени не сообщая Бонавентури о своем плане, Сергуиди приступил к плетению своей затейливой интриги.

Однажды весною 1564 года, беседуя с Франциском о любимом его предмете – изящных художествах и выражая свое удивление его тонкому вкусу, Сергуиди сказал, что ему непонятно, каким образом до сих пор сын Козьмы I еще не удостоил нежным своим вниманием ни одной из придворных девиц или дам.

– По весьма простой причине, – отвечал Франциск, – ни одна из них не приближается даже к той красоте, которую я желал бы найти в любимой женщине. Телосложением она должна напоминать мне Фидия, Праксителя или, по крайней мере, Бенвенуто Челлини; цветом лица – краски первейших живописцев Италии; голосом – звуки лютни; умом и веселостью она должна заменить мне занимательнейшую книгу.

– Требования ваши непомерны, но… – Сергуиди остановился.

– И потому-то, что они непомерны, – досказал Франциск, – я и не хочу тратить время на поиски невозможного. Я не Нерон – cupitir Impossibilium (желатель невозможного). И поверь мне, Сергуиди, что доискиваться чего-нибудь чудесного следует только в областях науки…

Тут Франциск повел речь о своих алхимических занятиях.

– Не смею сомневаться, ваша светлость, – сказал Сергуи-ди, терпеливо выслушав рассказ Франциска о его чудесных опытах превращения металлов, – не смею сомневаться, чтобы вы в самом скорейшем времени не доискались до философского камня и эликсира бессмертия; но из области науки не мешает иногда возвратиться и на землю. Любимая женщина – вот философский

камень и эликсир бессмертия на земле: она способна превращать в золото неблагородные металлы, изменяя нас к лучшему и давая возлюбленному радость, покой, блаженство, – продолжать его жизнь на долгие веки в его потомстве!

– Ты влюблен? – сурово спросил Франциск. – Это пиитическое сравнение достойно только влюбленного стихоплета.

– Отчего же не сравнить женщину с философским камнем, если один из ученых сказал: Alchimia est casta meretrix?[1]

– Ты влюблен! – настойчиво повторил Франциск.

– Нет, ваша светлость, но не смею скрывать: несколько дней тому назад я видел женщину, способную своей красотой если не превратить свинец в золото, то одним взглядом оживить мраморную статую.

– Кто такая?

– Не знаю, но, по-видимому, не простого рода.

– Где ты ее видел?

– У окна старого дома на уединенной улице, в предместье. Если не ошибаюсь, неподалеку от дома, в котором живет венецианец Бонавентури. Если бы ваша светлость полюбопытствовали…

– Едва ли полюбопытствую. Уверен, что твоя идеальная красавица какая-нибудь камеристка, одна из тех тривиальных физиономий, которые бросаются в глаза как яркие цветы: чем ярче, тем бездыханнее.

– Роза не благоухает, а цветы у нее яркого колера; при всем том она царица цветов.

– И твоя красавица роза?

– Цветом лица – да. Фигурою она напоминает Венеру вашей галереи, а глаза ее искрятся умом и чувством; улыбка – весеннее утро…

– Пиши сонеты и эпиталамы, а я отвечу на них сатирами да эпиграммами.

– Заочно нельзя написать ни тех, ни других.

– Постараюсь взглянуть на твою красавицу…

На лице Сергуиди промелькнула радостная улыбка; умея владеть собою, он, однако же, придал своему лицу спокойное, беззаботное выражение и сказал будто вскользь:

– Она сидит под окном около четырнадцатого часу дня,[2] живет на улице св. Климента, в третьем доме от левого угла.

– Благодарю за эти подробности, но они лишние. Не стану же я запоминать адреса красавицы. Ты будешь сам моим проводником!

Это предложение как нельзя лучше согласовалось с планами Сергуиди. Через полчаса, отпущенный Франциском, он

отправился к Бонавентури. Благодаря деньгам, похищенным последним при его бегстве, и брильянтам Бьянки, любовники имели возможность нанять квартиру весьма приличную и устроиться в ней с теми удобствами и роскошью, которые в тот век были насущными потребностями домашнего быта. Окно комнаты Бьянки было украшено алой шелковой занавесью; на подоконнике стояла изящной работы бронзовая ваза, наполненная цветами. Две мраморные кариатиды по бокам окна, угрюмо смотревшие на прохожих, как будто часовые, охраняли жилище красавицы. Бонавентури отрекомендовал ей Сергуиди, который, почтительно поцеловав руку Бьянки, не мог не устремить на нее восхищенного взгляда, внутренно сознаваясь, что недавние его похвалы и рассказы о ней Франциску нисколько не были преувеличены.

– При восхождении солнца бледнеют звезды, – сказал он Бьянке, – а вы, синьора, прибытием своим во Флоренцию заставили побледнеть наших первейших красавиц. Молва разнеслась по всему городу и достигла до ушей моего высокого покровителя герцога Франциска. Он сию минуту выразил живейшее желание видеть вас.

– Я буду ему представлена? – живо спросила Бьянка.

– Со временем – без сомнения. Покуда герцог желает взглянуть на вас без вашего ведома и, может быть, завтра проедет мимо вашего дома. Искренно любя вашего… супруга и от всей души желая вам счастья, я счел долгом предупредить вас.

Глаза Бонавентури заискрились той радостью алчности, которая блестит в глазах купца, продающего товар со сторичным барышом. Будь предложение Сергуиди сделано женщине любящей, она отвергла бы его с негодованием, а любимый ею отвечал бы дерзкому равноценной обидой… Здесь ничего подобного не было и быть не могло. Живой товар и сводники понимали друг друга как нельзя лучше.

– Само собою, – наставительно продолжал Сергуиди, – что мы должны придать свиданию вид нечаянности; до времени необходимо скрыть от герцога, что синьора Бьянка супруга синьора Бонавентури.

– Разумеется, – живо перебила Бьянка.

– Ты со своей стороны постарайся быть прелестнее обыкновенного, если только это возможно, – обратился к ней Бонавентури с оттенком прежней нежности в голосе. – В черном бархатном платье ты будешь очаровательна.

Бьянка взглянула на него с невыразимым негодованием и только пожала плечами.

– Почем знать! – сказал ей Сергуиди при прощании. – Быть

может, синьоре Бьянке Капелло суждено вырубить из каменного сердца герцога Франциска искру первой любви.

– И вместе с тем, – досказал Бонавентури, – открыть в этом камне золотой рудник.

На другой день Франциск верхом, сопровождаемый Сергуиди, проехал мимо окна Бьянки Капелло. Как будто ничего не подозревая, красавица, приложив головку к цветам, беззаботно смотрела на улицу; пристально взглянула она на герцога, проводила его глазами и, дождавшись его возвращения, как будто нечаянно выронила из вазы на улицу несколько пышных роз.

Франциск в полной уверенности, что его сглазила красавица, возвратился во дворец, не говоря ни слова своему спутнику. Лицо его сделалось мрачнее обыкновенного, взгляд стал задумчивее. Ожидая первого слова от Франциска, Сергуиди молчал. Герцог вошел в свою лабораторию, взял было какую-то рукопись, развернул ее, но, не читая, скрестил руки на груди и опустил голову. Так прошло несколько минут.

– Сергуиди? – произнес вдруг Франциск.

– Ваша светлость? – отозвался любимец.

– Она действительно очень хороша собою. Надобно узнать… – Франциск остановился.

– Я все узнаю! – досказал Сергуиди.

– От кого ты слышал, что она умна?

– Ни от кого, ваше светлость, это одно предположение.

– Предположение может быть обманчиво, как и наружность. Надобно убедиться.

И герцог снова погрузился в задумчивость.

Дня через три Сергуиди явился к нему с озабоченным лицом.

– Я узнал все, – сказал он, – и не рад тому, что узнал. Красавицу зовут Бьянка Капелло, она венецианка, ей девятнадцать лет, она умна, весела, живого характера, но…

– Что же? – нетерпеливо воскликнул Франциск.

– Она замужем за Пьетро Бонавентури, тем самым беглецом, который представлялся родителю вашей светлости и вам самим.

– И любит его!

– Этого не знаю доподлинно. Судя по ее словам, она отдала свою руку Бонавентури для того только, чтобы он избавил ее от тиранства родных.

– В свою очередь я могу подать ей свою, чтобы избавить ее от Бонавентури, если только она этого пожелает. Его можно услать куда-нибудь… Он может и умереть от несварения желудка!

Франциск с усмешкою взглянул на стеклянный шкаф, наполненный разнообразными флаконами и коробками.

– Постараюсь, чтобы не дошло до этого, – сказал Сергуи-ди. –

Всего прежде необходимо вашей светлости познакомиться с синьорою Бьянкою, чтобы убедиться, заслуживает ли еще она вашего внимания. «Она умна», – это я говорю, мне так кажется, а может быть, она совсем недальнего ума. В этом деле вы сами должны быть судьею. Еще, ваша светлость, осмелюсь дать вам полезный совет: если вам будет угодно посетить синьору Бьянку, она не должна знать, кто вы, и до времени необходимо инкогнито. Только при этой обстановке вы можете убедиться, любит она в вас человека или только герцога. Душевные ваши качества равняются вашему высокому происхождению, но женщину всего чаще ослепляет блеск почестей.

– Совершенно справедливо. Совет твой весьма дельный, и я ему последую. Но вот вопрос: согласится ли сама синьора Капелло на свидание со мною? Написать к ней?

– Можно, – подхватил Сергуиди, – можно, только не своеручно, а в третьем лице. Доставку письма я беру на себя. Что же касается до Бонавентури, я берусь на время выпроводить его из дому: за предлогом дело не станет.

Свидание устроилось как нельзя лучше. Сергуиди ввел герцога в комнату Бьянки, потом удалился, оставив молодых людей наедине. Бонавентури, будто бы уехавший на несколько дней из Флоренции, оставался дома, спрятанный. Все действующие лица этой комедии разыграли свои роли как нельзя лучше: герцог притворился небогатым дворянином, Бьянка прикинулась наивной, но страстной женщиной, полюбившей этого бедного дворянина с первого взгляда, когда он две недели тому назад проезжал мимо ее окон… Сергуиди, как примерный руфиано, был надежным блюстителем блаженства влюбленных; Бона-вентури, как надлежало, превратился в невидимку. Достойный триумвират окрутил герцога, и он, как муха, запутался в хитро растянутой ему паутине. Врожденная недоверчивость не предохранила его от этой западни, да и правду сказать – редко она предохраняет человека от обмана, разница только в том, что недоверчивый всегда встретит хитреца, который сумеет его обмануть: чем сильнее недоверчивость с одной стороны, тем только тоньше обман с другой.

Франциск привязался к Бьянке со всем пылом первой любви. Теснейшему их сближению немало способствовало признание Бонавентури в том, что он не связан с Бьянкою узами законного брака. За свою уступчивость венецианец удостоился получить должность интенданта дворца герцога Франциска – местечко почетное и тепленькое благодаря взяткам и бесконтрольному воровству. Сергуиди, дружный с Бьянкою, удержал за собою прежнюю позицию любимца и при герцоге Франциске был первым

лицом. Замкнутый в очарованном треугольнике, вершинами которого были Сергуиди, Бьянка и Бонавентури, герцог дал им полную волю творить все что ни заблагорассудится. Женитьба Франциска на Хуане Австрийской нимало не изменила его отношения к Бьянке; великий герцог Козьма I, глядя на проделки сына, молчал и тем более обязан был молчать, что за ним самим водились немалые грешки. Нам уже известен характер правительства Франциска в десятилетний период его регентства при жизни отца (с 1564 по 1574 год): деспот, гонитель аристократии, тиран простого народа, он был бичом Божиим для бедной Тосканы.

Козьма I скончался 21 апреля 1574 года, а на следующий год, 9 ноября 1575 года, император Максимилиан II возвел Франциска Медичи в сан великого герцога, в котором признал его и король испанский Филипп II. После Козьмы I, кроме Франциска, остались еще два сына: Фердинанд, Петр и вдова Камилла Мар-телли. Вследствие явного их недоброжелательства к Бьянке Капелло великий герцог заточил мачеху в монастырь, Фердинанда услал в Рим, а Петра в Испанию. Неудовольствие дворянства выразилось заговором, душою которого был Гораций Пуччи: голова его пала на плахе; из сообщников одни были заточены, другие бежали в чужие края. Соединяя законную кару с грабительством, Франциск конфисковал имущества мятежных олигархов и эмигрантов. Эта мера, обогатив казну, разорила множество дворянских фамилий и надолго лишила их возможности отваживаться на новые заговоры. Так деспотствовал Франциск, а Бьян-ка в свою очередь над ним деспотствовала. Великая герцогиня Хуана была во дворце каким-то живым призраком. Равнодушие к ней мужа мало-помалу перешло в ненависть; неоднократно он говорил окружавшим, что имеет намерение развестись с супругою за ее неплодие. Сергуиди по-прежнему пользовался расположением Франциска, но Пьетро Бонавентури уже не было на свете: он окончил свое земное поприще в 1570 году, и окончил его весьма плачевным образом.

Получив место дворцового интенданта, Пьетро, не довольствуясь набивкою кармана, возмечтал о почестях и чинах, надеясь на покровительство Бьянки. Дерзкий и заносчивый с придворными, видя неограниченную привязанность Франциска к прежней своей любовнице, Бонавентури вообразил себе, что и с великим герцогом особенно церемониться нечего… Но Франциск при первой же его попытке на фамильярность напомнил ему о том расстоянии, которое отделяет бродягу от великого герцога. На первый случай Бонавентури смирился, но, почтительный с герцогом, стал дерзок с Бьянкою, надоедая ей то упреками за неблагодарность, то просьбами о наградах и повышениях.

Выведенная из терпения, фаворитка пожаловалась наконец великому герцогу на бывшего своего любовника.

– Он мне самому давно надоел, – сказал герцог, – и если я терпел его и имел глупость награждать, то единственно за его услуги, тебе когда-то оказанные. Не век же мне быть благодарным, тем более негодяю, который этого не ценит и не понимает. Пора покончить с ним…

– Давно пора! – отозвалась Бьянка, как будто речь шла об искалеченной старой лошади, которую следовало отправить на живодерню.

На следующее утро Пьетро Бонавентури был найден на улице зарезанным. По повелению великого герцога его похоронили с должными почестями, но об убиении не было назначено никакого следствия.

Чаруя Франциска своей красотой, Бьянка особенно привязывала его к себе умением рассеять его при случае и развеселить. Ее счастливый характер был живым контрастом характеру бедной Хуаны Австрийской, да и нрав своего державного сожителя она изучила несравненно тверже, нежели законная его супруга. В начале 1576 года по настоянию Бьянки великий герцог написал к младшему брату письмо, предлагая ему мировую и из Испании приглашая в Тоскану. За два года своего пребывания при дворе Филиппа II Петр Медичи успел жениться на молодой Элеоноре Толедской и прославиться скандалезными похождениями. Он прибыл вместе с женою во Флоренцию, помирился с братом, подружился с Бьянкою и зажил как нельзя веселее, удивляя весь город своими распутствами. Элеонора, со своей стороны, не отставала от мужа и вскоре по приезде окружила себя легионом поклонников. Этот образ жизни младшего брата великого герцога как нельзя более соответствовал тайным замыслам Бьянки: занятый интрижками, Петр не мог и не имел времени принимать участие в интригах придворных против фаворитки или даже и самого великого герцога. Внезапно беспутства Элеоноры Толедской довели ее до погибели. Петр Медичи, убедясь в ее неверности, увез ее из Флоренции в загородный дворец Кастаньола и здесь 11 июля 1576 года зарезал ее! Убийца сам уведомил о ее смерти брата и Филиппа II, оправдывая свое преступление жаждою мести за позор, которым жена покрыла его имя. По своим правам, а главное, по понятиям того времени он был совершенно прав: рыцарский XVI век, предоставляя мужьям полную свободу, налагал на жен непреложную обязанность быть верными ненарушимо и за неверность мужей не осмеливаться и думать отплачивать им тою же монетою.

Впрочем, великому герцогу не время было заниматься семейными делами своего брата; собственные его семейные дела были несравненно важнее: Бьянка Капелло готовилась порадовать его рождением сына или дочери, может быть, даже того и другой… Отец двух дочерей от законной супруги,[3] Франциск был в восторге при мысли иметь сына от Бьянки Капелло, чего и она сама искренно желала. Беседуя со своей фавориткой, великий герцог в минуты откровенности весьма часто сетовал, что не имеет наследников мужского пола, кроме братьев.

– Но разве мой сын может иметь право быть твоим преемником? – спрашивала Бьянка.

– В моей власти его узаконить! – отвечал герцог.

Эти слова заронили в сердце властолюбивой Бьянки упорную мысль быть матерью будущего наследника великогерцог-ского престола. Неплодная в течение десяти лет сожительства с Франциском, она в декабре 1575 года объявила великому герцогу о некоторых признаках беременности, а вместе с нею о болезненных припадках, требующих внимательного лечения и невозмутимого образа жизни. Франциск, предложив Бьянке для жительства один из загородных дворцов, отдал ее на попечение врачей и опытной бабки. Последняя через четыре месяца подтвердила великому герцогу, что Бьянка действительно беременна. Пользуясь правами своего интересного положения, фаворитка принимала Франциска лежа в постели и беседовала с ним не иначе как в присутствии бабки и прислужницы; говорила томным, слабым голосом; со слезами на глазах умоляла своего покровителя быть верным слову своему и в случае рождения сына узаконить его… Со своей стороны бабка советовала великому герцогу навещать больную по возможности реже, так как продолжительные разговоры ее утомляют, а волнение ей вредно. Лишь только уезжал Франциск, его возлюбленная очень бодро вставала с постели, ее недавняя томность сменялась веселостью, исчезали даже самые наружные признаки ее интересного положения… Одним словом, не будучи беременною, Бьянка притворялась таковою, обманывая при содействии бабки не только великого герцога, но и находившегося при ней врача. К сроку рождения Бьянкою чаямого сына у бабки были подготовлены две-три бедные роженицы из простонародья, согласившиеся с удовольствием отдать на ее попечение своих новорожденных. Подобный же хитрый подлог – в некоем царстве, в некоем государстве – произошел в 1856 году: введение в моду женских кринолинов совпало с этим великим политическим событием.

В ночь с 28 на 29 августа 1576 года бабка тайно привезла в

замок фаворитки новорожденного младенца мужского пола. Немедленно же был отправлен во Флоренцию нарочный с радостным известием о благополучном разрешении Бьянки от бремени. Великий герцог, прибыв в замок около полудня, с восторгом обнял роженицу и благословил своего сына, нареченного Антонием. Счастливый отец снова подтвердил Бьянке об узаконении младенца, просил ее беречь его и себя и, как только позволит их здоровье, поскорее возвращаться во Флоренцию. На пятый день, когда новорожденный был отдан на попечение здоровой кормилицы и доктора, Бьянка с глазу на глаз подробно расспросила бабку о том, сумела ли она сохранить все в надлежащей тайне.

– Кроме вас и меня, никто ничего не знает, – отвечала та.

– А мать ребенка?

– У нее, кроме этого, трое и есть нечего. Она просто продала мне новорожденного за десять червонцев.

– А отец?

– Она незамужняя, живет разгульно и не имеет постоянного сожителя.

– Кто содействовал вам при доставке ко мне новорожденного?

– Два прислужника здешнего замка: Фабрицио и Паоло.

– Сами они семейные люди? Я это спрашиваю затем, чтобы достойно наградить их самих и их семейства.

– Паоло женат; жена его живет у родных в Эмполи. Фабри-цио одинокий старик.

– Хорошо. Пришлите ко мне Паоло.

Прислужник явился. Бьянка, вручая ему записку, поручила тотчас же доставить ее по адресу, и прислужник, оседлав коня, поскакал во Флоренцию. Вечером этого же дня фаворитка пригласила бабку отужинать с собою и повеселиться после недавних забот и беспокойств. За ужином Бьянка была необыкновенно любезна и ласкова: ежеминутно потчевала свою собеседницу лакомствами, наконец предложила ей выпить бокал кипрского вина. Бабка осушила его за здоровье хозяйки и новорожденного Антонио. Позвав в столовую старика Фабрицио, Бьянка поднесла бокал и ему, к крайнему удивлению прислужников, не понимавших, за что ему такая ласка.

Надобно полагать, что кипрское вино, которого немного выпила и сама хозяйка, было очень крепкое. Жалуясь на головную боль, старик Фабрицио лег спать ранее обыкновенного; бабка, скрывая нездоровье, чувствовала тоже необычайную дремоту и едва имела силы дойти до своей постели, постланной в опочивальне Бьянки… Ночь свою фаворитка почему-то провела

без сна, то на собственных руках укачивая сына, то чутко к чему-то прислушиваясь. Под утро один из служителей замка прибежал к доктору фаворитки и объявил ему, что старый Фабрицио найден мертвым в своей постели. Посинелое лицо и страшно вытаращенные глаза трупа свидетельствовали, что старик умер от апоплексии. В то самое время, как доктор делал распоряжение о том, чтобы страшная весть не дошла до ушей

Бьянки, камеристка последней в слезах прибежала к нему с известием, что бабка синьоры тоже скоропостижно скончалась! В одну ночь по бокам колыбели новорожденного Антонио явились два гроба. В тот век анатомия была еще в младенчестве; судебно-медицинские вскрытия допускались только в экстренных случаях, да и то преимущественно для мертвецов знатного происхождения. Не желая марать рук, вскрывая старого слугу и бабку, доктор приписал их смерть апоплексии; последняя могла быть следствием ужина. Главные заботы врача были обращены на Бьянку и ее сына; эскулап опасался, чтобы смерть Фабрицио и бабки не повлияла на здоровье фаворитки. Впрочем, она пребывала в вожделенном здравии и была довольно спокойна. Великий герцог, прибывший в замок, не мог скрыть своего ужаса, когда ему сказали о страшной катастрофе. Трупы были вынесены в часовню; Франциск сам осмотрел их и, побледнев необыкновенно, погрузился в глубокое раздумье. В его сердце закралось страшное подозрение. Войдя в комнату фаворитки, он нежно обнял ее, поцеловал сына и с глубоким вздохом прошептал:

– Тут есть какая-то тайна!

– Ты говоришь о смерти бабки и Фабрицио? – быстро спросила Бьянка. – Да, мне самой она очень загадочна. Вчера оба были здоровы, веселы, и вдруг оба, почти одновременно…

– Они отравлены! – досказал великий герцог. Бьянка вскрикнула, всплеснув руками.

– Да, – продолжал Франциск, – отравлены, и только особенная милость Божия спасла тебя и нашего сына от смерти. Вам обоим готовилась смерть, сразившая других. Неужели же ты не догадываешься, что кипрское вино, которое ты пила за ужином, которым потчевала бабку и старика, было отравлено?

– Но как же я жива и здорова? – с ужасом спросила Бьянка.

– Ты выпила его меньше, и действие яда было ослаблено аметистовым ожерельем с безоардовой амулеткой, которые ты носишь на шее. Чьей подкупленной рукой был всыпан яд в вино – до этого я доищусь; кем рука была подкуплена – это я знаю наверное. Тут целый заговор: брат Петр, синьоры, даже она, Хуана… Твоя жизнь и жизнь Антонио нужны им, и как видишь,

они действуют.

– Твои подозрения не лишены основания, – сказала Бьянка, обнимая Франциска. – Есть еще одно обстоятельство, подтверждающее наши догадки. Вчера я послала прислужника Паоло с одним поручением во Флоренцию; до сих пор он не возвращался и, как мне кажется, не возвратится.

– Почему?

– Потому что его рукой была отравлена бутылка кипрского. Наши враги дали ему средства бежать или спрятаться.

– Я прикажу разыскать его, и он будет найден, живой или мертвый! – прохрипел Франциск, скрежеща зубами.

– Франческо! – сказала Бьянка голосом, напоминающим воркования голубки. – Именем нашего младенца заклинаю тебя: не мсти никому, не преследуй никого. Божия десница незримо хранит меня и моего сына. Счастливая в настоящее время, я не хочу, чтобы из-за меня пострадал кто-нибудь… даже мои враги! Прости им, как я прощаю, как Бог велел прощать ненавидящим нас…

И искусная комедиантка, всхлипывая, опустилась на колени перед великим герцогом.

– Ты ангел! – отвечал он, глубоко тронутый.

– Нет, я мать твоего сына, я женщина, любимая одним из величайших государей света.

Участь третьего сообщника Бьянки Капелло была чуть ли не хуже участи двух уже отправленных ею к праотцам. Письмо, данное ему Бьянкою для доставки во Флоренцию, было адресовано на имя подкупного убийцы, преданного фаворитке. Оно состояло из немногих слов: «Постарайтесь, чтобы податель не возвратился». Душегубец, поняв, чего от него требуют, сказал Паоло, что отведет его туда, куда приказывает синьора.

– Куда же это? – спросил Паоло.

– К старому купцу, ее должнику. Он отсчитает тебе двадцать червонцев и подарит несколько пар нарядного платья. За что тебе такие милости?

– Не знаю… Должно быть, чем-нибудь заслужил. А где живет купец?

– В предместье, на берегу Арно. Место довольно глухое и небезопасное, но бояться нечего – нас двое и мы вооружены.

Осушив с Паоло бутылку вина, клеврет Бьянки предложил ему отправиться в путь. Оседлав своего коня, злодей взял пистолеты и длинную шпагу, предложив Паоло для пущей его безопасности увесистый мушкетон. Проехав город и из предместья выбравшись за заставу, они очутились в гористой безлюдной местности, поросшей кустами можжевельника и

вереска. Убийца, пропустив Паоло вперед шага на два, велел ему взглянуть влево, туда, где купол церкви.

– Видишь белый домик? – спросил он несчастного, осторожно взводя курок пистолета. – Левее, левее, – продолжал он, прицеливаясь.

Выстрел грянул, эхо откликнулось, и Паоло, даже не вскрикнув, зашатался в седле: пуля убийцы раздробила ему затылочную кость. Сняв с Паоло оружие, вынув из кармана его кошелек, убийца, взяв его лошадь под уздцы, спокойно возвратился в город.

Так умела Бьянка Капелло обделывать свои дела, не задумываясь ни над вопросом о жизни и смерти ближнего, ни над средствами к устранению препятствий. Ее возвращение во Флоренцию вместе с сыном было истинным триумфом; Антонио, окрещенный в соборной церкви, был признан сыном великого герцога, но узаконен не был. Фаворитка неоднократно напоминала Франциску о его обещании, но, видя, что тот уклоняется от прямого ответа, не стала более докучать и терпеливо ждала перемены обстоятельств. Неизменно милостивый к фаворитке, великий герцог вдруг сделался необыкновенно внимателен к супруге, ласков и почтителен с нею. Может быть, эта перемена в отношениях мужа к жене была следствием его раскаяния в обидах, нанесенных ей в былое время. Бьянка вздумала было выразить Франциску ревность, упрекнула его за любовь к супруге; но великий герцог напомнил ей, что Хуана тринадцать лет терпеливо переносила его холодность, никогда не упрекая за предпочтение, оказываемое Бьянке. Сближению супругов, хотя и позднему, много способствовали их дети: Элеонора и Мария. К отчаянию Бьянки 9 апреля 1578 года великая герцогиня разрешилась от бремени сыном Филиппом, а через два дня, к радости фаворитки, скончалась. По закону новорожденный герцог Филипп был объявлен наследником; живая контрафакция, Антонио лишался прав на престол… Но взамен всего этого овдовевший великий герцог мог жениться на Бьянке Капелло и тем исполнить ее заветнейшее желание.

Всегда искусная и осторожная, фаворитка на этот раз едва не разрушила своей настойчивостью тех подмостков к престолу, которые она строила в течение многих лет. До сих пор Франциск верил в бескорыстие ее любви, но теперь он понял, что любовь Бьянки далеко не бескорыстна. Непритворно оплакивая умершую супругу, великий герцог вместе с тем мучился и бесплодным раскаянием. «Что имеем – не храним, потерявши – плачем!» – говорит пословица, и Франциск испытывал на себе самом ее правдивость. Он сравнивал душевные качества покойной жены с

качествами Бьянки, и вывод был далеко не в пользу последней; он припоминал те дни, когда в объятиях фаворитки забывал о жене, плакавшей в молельне или искавшей развлечения в чтении книг… Тоска по жене породила в сердце Франциска чувство, похожее на ненависть к любовнице, именно теперь, когда он мог принадлежать ей свободно, всецело. Но таково сердце человеческое: запрещенный плод всегда привлекает его сильнее дозволенного. В первый месяц вдовства Франциск намеревался даже совершенно расстаться с Бьянкою, и ей пришлось пустить в ход весь запас лукавства, кокетливости и нежности, чтобы отвлечь великого герцога от его намерения. Как бы то ни было, ей удалось по-прежнему поработить сердце Франциска, и 5 июня того же 1578 года, через два месяца после смерти жены, он тайно обвенчался с Бьянкою Капелло.

Тайный брак, законный в отношении религиозном, почти ничего не значит в политическом. Объявить Бьянку своею супругою великий герцог мог только тогда, когда сделал кое-какие поправки в ее метрике. Для этого флорентийский кабинет вошел в переписку с венецианской синьорией; пришлось задаривать членов совета Прегади, чтобы они признали Бьянку Ка-пелло коренной патрицианкой и прибавили к ее родословному дереву побольше ветвей и корней под рост генеалогии Медичи. Все это требовало чрезвычайных расходов, и Франциск кроме увеличения налогов обременил свой народ новыми, косвенными. «Слезы льются и через золото», а тут золото потекло в великогерцогскую казну сквозь слезы, пот и кровь тосканцев. Совет Прегади указом от 16 июля 1579 года объявил Бьянку

Капелло дочерью светлейшей республики Венецианской и признал ее законною супругою великого герцога Тосканского. 12 октября прибыло из Венеции нарочное посольство для вручения Бьянке дворянских грамот. В числе послов были и брат ее Витторио Капелло, оставшийся при дворе для занятия должности министра под крылышком сестрицы. Провозглашение Бьянки великою герцогинею сопровождалось пиршествами, на которые было истрачено до трехсот тысяч червонных… Сумма тем более громадная, что в Тоскане тогда свирепствовали голод и моровое поветрие. Бедствующий народ вместо восторженных кликов приветствовал державную чету унылыми стонами, чуть не проклятьями. Великий герцог как будто задался мыслею глумиться над бедствиями своих подданных: не уделяя им в пособие из своей казны ни медного гроша, он тратил тысячи на украшение дворца Питти и на основание академии Отрубей (Academin delta Crusca) в 1580 году. Народ может простить своему правителю отсутствие помощи за одно слово сожаления; но если

этот правитель в годину испытания, зажав уши, зажмурив глаза и очертя голову тешится пустяками и сорит деньги на забавы, тогда народ питает к нему ненависть. Появление Франциска или жены его в народе приводило последний в ярость.

Семейство великого герцога состояло из двух групп: к первой принадлежали Петр Медичи, обе дочери и малолетний Филипп – дети покойной Хуаны; ко второй – великий герцог, Бьянка и Антонио. Партий не было; пограничной чертой была ненависть, которую не могла изгладить Бьянка всей своей угодливостью деверю и падчерицам. Весьма сомневаемся в естественной смерти малолетнего Филиппа, скончавшегося 29 марта 1582 года четырех лет от роду; тут, вероятно, работала рука Бьянки, бестрепетно подсылавшая яд бедному младенцу. Эта смерть опять подняла вопрос об узаконении сына Бьянки Капелло; вопрос опять неразрешенный. За неимением прямых наследников в сыновьях великий герцог должен был передать власть второму брату, а в случае его смерти – младшему. Две живые души преграждали Бьянке Капелло дорогу к наследованию в лице Антонио верховной власти; эти две души во что бы то ни стало необходимо было отправить в далекую обитель, и новый злодейский умысел созрел в уме Бьянки.

Вскоре после смерти Филиппа она особенно сделалась ласкова к Петру Медичи и падчерицам; часто говорила мужу, что душевно сокрушается, видя семейные распри, что со своей стороны готова всеми силами содействовать к сближению братьев. Франциск, не подозревая коварства, писал несколько раз к брату своему Фердинанду в Рим, приглашая его к себе, но Фердинанд (кардинал при папе Сиксте V) отклонялся от свидания, ссылаясь на службу, а главное – на свое непреодолимое отвращение к Бьянке. Последнее обстоятельство вместо примирения пуще поддерживало ненависть между братьями. Льстивые, смиренные письма герцогини Фердинанд оставлял без ответа и был тем упрямее, чем она была настойчивее. Эта настойчивость невестки стала ему наконец подозрительна… Фердинанд, поразмыслив, сообразил и понял, что ему во Флоренции готовится предательская западня, и принял свои меры. Летом 1587 года он уведомил брата и невестку, что, снисходя на просьбы его и ее в особенности, решается примириться с ними, предать забвению все минувшие несогласия и жить мирно и полюбовно. Это смягчение нрава сурового деверя обрадовало Франциска и жену его, и они настоятельнее прежнего стали упрашивать его не медлить приездом. Уведомив их, что прибудет во Флоренцию к осени, кардинал Фердинанд действительно занялся приготовлениями к отъезду. Судя по его

сборам, можно было подумать, что он едет не к брату, а к разбойникам. Он нанял для сопут-ствия целый отряд вооруженных телохранителей; заказал себе непроницаемую ни свинцом, ни железом кольчугу; несколько дней принимал териак и всякие противоядия; в числе дорожных запасов захватил с собою целую аптечку. Радушные хозяева со своей стороны в это же время занимались приготовленьями для приема дорогого гостя: наблюдали за убранством дворца, назначенного для его помещения, украсили его с необыкновенной пышностью; заботились о запасах вина в погребах. На эту последнюю статью было обращено особенное внимание самой великой герцогини. За пять станций до Флоренции расставлены были верховые, чтобы своевременно уведомить хозяев о приближении высокого гостя. 7 октября он прибыл в Поджио, где и остановился для отдыха, сюда же поспешили великий герцог с супругою и Петр Медичи. Встреча братьев после долголетней разлуки была умилительна; не было конца объятиям, поцелуям, даже слезам, особенно когда Бьянка, смиренно прося прощение у кардинала, преклонив перед ним колени, просила от него благословения. На другой день во дворце Поджио был назначен торжественный обед, а через два дня церемониальный въезд Фердинанда в столицу.

Во всю ночь Бьянка не сомкнула глаз, подобно роковой ночи убиения своих сообщников; не спал и Фердинанд, тревожно помышляя о завтрашнем дне. Долго он беседовал со своим врачом, перебирая походную аптечку и осматривая с особенным вниманием пару золотых кубков высокой работы, украшенных драгоценными каменьями и эмалью. Занялась заря 8 октября 1587 года, числа достопамятного в летописях тосканских. Великолепная зала пиршества была украшена цветами, лаврами и гербами семейства Медичи. Место за столом для кардинала было назначено между великим герцогом и его супругою, под парчовым балдахином… Прибыли великий герцог с супругою, детьми и со всем двором; разместились многочисленные прислужники, явились певцы и музыканты; несколько пушек было расставлено в парке для пальбы во время заздравных тостов. Все эти приготовления напоминали приготовления к спектаклю в древнем римском цирке, в котором начинали весельем, а кончали смертью. Таков большею частью бывал исход итальянских пиров XVI века.

Ссылаясь на усталость от дороги и на нездоровье, кардинал за столом почти не прикасался ни к яствам, ни к питью и удивлял всех своею воздержанностью. Когда пришло время пить за здравие гостя и хозяев, сама великая герцогиня, взяв золотую чашу, наполнила ее вином и с глубоким поклоном поднесла

кардиналу. Фердинанд, в свою очередь встав с места, взял из рук своего мажордома поднос с двумя кубками, налил в них вина и предложил брату и невестке.

– Пользуясь правом гостя, – сказал он при этом, – прошу вашу светлость принять мой скромный подарок… Эти кубки были пожалованы мне его святейшеством, покойным папою Григорием XIII. Какая удивительная работа!

Великий герцог и Бьянка, взяв кубки, рассматривали их, но к губам не подносили; точно так же и кардинал, держа свою чашу в руках, следовал примеру брата и невестки. Все присутствовавшие, встав со своих мест, ожидали тоста, музыканты и пушкари – сигнала…

– За здравие его светлости с супругою! – произнес кардинал, готовясь пить.

Громкое «Evviva!» (Да здравствует!) было ему ответом. В тот же миг стены залы дрогнули от пушечного залпа, заглушившего оркестр и хор певчих. Вздрогнув от этой неожиданности, кардинал выронил из рук свою чашу, и вино пролилось; великий герцог и Бьянка осушили свои кубки до капли.

– Вот моя неловкость и пугливость! – засмеялся кардинал, показывая на упавшую чашу. – Этот залп заставил меня вздрогнуть… Видно, мне не судьба выпить чашу, вами поднесенную! – усмехнулся он Бьянке, принимая от прислужника другой бокал и выпивая его.

Бьянка тяжело опустилась на свое кресло; муж с недоумением посматривал на нее и на брата. К концу стола, вопреки обыкновению, беседа вместо оживления сделалась вялою и принужденною. Бьянка, видимо, старалась быть по-прежнему любезною с кардиналом, но странное выражение ее бледного лица слишком противоречило словам и смеху… Часа через полтора по выходе из-за стола Бьянка сообщила мужу, что чувствует себя нездоровою; великий герцог сознался в том же. Призванный лейб-медик сказал, что нездоровье великого герцога и его супруги требует внимательного лечения. Вместо предполагавшегося празднества поднялась суматоха. Кардинал Фердинанд был просто в отчаянии, хотя и уверял окружавших, что болезнь брата и невестки, конечно, не опасна. Десять дней провели они в невыносимых страданиях между жизнью и смертью… Последняя сразила Франциска 19 октября, а Бьянку на другой день – 20-го. По повелению Фердинанда, наследовавшего брату, трупы были вскрыты, и весь медицинский факультет чуть не клятвенно объявил, что великий герцог и его супруга скончались от воспаления легких. Радуясь смерти ненавистного тирана и жены его, народ, однако же, не верил показаниям

докторов и громко говорил, что Франциск и Бьянка были отравлены.

– Хотели опоить кардинала, да по ошибке сами выпили отраву, которую ему готовили!

Таковы были городские слухи, не лишенные основания. Новый великий герцог, как бы желая оправдаться в глазах подданных, выказал нежную, отеческую заботу не только о законных детях покойного брата, но даже и о его побочном сыне Антонио, предоставив ему права и пользование дарованным ему духовным и недвижимым имуществом. Этот подставной сын Франциска Медичи и Бьянки Капелло умер 2 мая 1611 года, оставив по себе память отчаянного пьяницы и развратника. Нареченный его дядюшка, Витторио Капелло, и Антонио Сергуиди, подобно многим временщикам, со смертью высокого покровителя лишенные могущества и силы, умерли в нищете и безвестности.

notes

Примечания

1

«Алхимия – целомудренная блудница: кокетством своим и обещаниями сводит с ума всех, но не предается никому». Это слова, если не ошибаемся, Арнольда Виллановы.

2

По итальянскому времяисчислению суток в двадцать четыре часа от заката солнца. Весною четырнадцатый час дня соответствуют восьми часам утра.

Элеоноры и Марии. Первая была выдана за Винченцо Гонзаго, герцога Мантуанского, вторая, родившаяся в1573 году, была супругою короля французского Генриха IV. Биографии Марии Медичи мы посвятим особую статью.